

Азиатский вектор внешней политики России и евразийство

Было бы противоестественно, если бы Россия игнорировала превращение Китая в один из полюсов современного мира, повышение удельного веса и значимости государств Юго-Восточной Азии в мировой политике и экономике, да и собственные настоятельные потребности в развитии Дальнего Востока. Необходимость усиления «восточного измерения» в своей внешней политике и внешнеэкономических связях осознавалась в Москве еще в 1990-е гг. Но потребовался украинский кризис и масштабный конфликт с ЕС и США, чтобы в этом направлении были сделаны наиболее значимые и реальные шаги.

Было бы нелогично, если бы Россия не стремилась к постсоветской интеграции, для которой название «евразийская» удобный бренд, удачно сочетающий географические реалии и политические потребности. Он позволяет уйти от ассоциаций с Советским Союзом, не замыкая возможные интеграционные процессы его пределами. Вместе с тем, эта формула дает возможность азиатским государствам постсоветского пространства обозначить свою сопричастность и к европейскому вектору внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Между тем, следование России своим естественным интересам совершенно не требует идеологического обрамления и обоснования различными версиями «неоевразийства», каковые стали во множестве предлагаться заинтересованными энтузиастами, увидевшими во внешнеполитическом и внешнеэкономическом повороте свой шанс. Более того, они этим интересам категорически про-

тивопоказаны. «Цивилизационная общность» и апелляции к многовековому взаимодействию и взаимовлиянию из Москвы и среднеазиатских столиц видятся очень по-разному. Поэтому для новых независимых государств, заново выстраивающих свою национальную и государственную идентичность, отсылки к опыту пребывания в Российской империи и в СССР имеют, по меньшей мере, неоднозначный характер. В этом легко убедиться, перелистав страницы их учебников истории.

В Средней Азии будут, скорее, востребованы идеи локального регионализма или пантюркистского толка, в худшем случае, панисламистского. В Китае категориями, сродными с евразийскими, вообще не мыслят, руководствуясь собственным мировидением. Даже в Улан-Баторе, при всех лестных для монголов наклонностях исторических евразийцев и неизбежной заинтересованности в связях с Россией, во внешнеполитической практике стараются придерживаться многовекторного курса. И на Балканах, несмотря на традиционное и достаточно массовое русофильство сербов и болгар, никто среди политической элиты не собирается отказываться от панъевропейского проекта.

Вывод: на внешнеполитической сцене настоянные на евразийстве идеи, при сугубо внешнем удобстве для обоснования постсоветской интеграции, не только не способны привлечь и сплотить тех, на кого вроде бы рассчитаны, но явно заставят их насторожиться. Одно подозрение, что РФ пытается в виде ЕврАзЭС и ОДКБ возродить СССР или Российскую империю, способно их похоронить. К тому же, у поборников неоевразийства скверная родословная: подчеркиваемое и, нужно признать, логичное родство с идеологами «консервативной революции», идейными предтечами нацизма, — сильный аргумент в русофобских кампаниях против нашей страны как «извечного воплощения мирового зла». Поэтому подобный залежалый идеологический товар попросту некому сбыть даже в ближайшем окружении.

Свойственное евразийству и его современным поклонникам мифопоэтическое восприятие мира, вмещающее внешне-

политической прагматике следование не интересам, а идеологическим догматам, ущербно методологически и пагубно политически. Вместо рационализации целеполагания, разумного ранжирования сфер предпочтительной активности, поиска оптимального баланса между внутренними потребностями и внешними возможностями, внешней политике предписывается одномерный вектор, заданный вековой давности геополитическими конструктами и довольно произвольным прочтением истории. Среди российских мыслителей из самых разных идейно-политических лагерей по сию пору не утихают споры о том, насколько страна обречена на движение по «исторической колее». Но бесспорным представляется, что исторический детерминизм (не важно — классового, геополитического или цивилизационного извода) дает внешней политике ошибочные координаты, предписывая движение по исходным маршрутам и ограничивая свободу маневра.

Внутри страны неоевразийство также не выглядит перспективной национальной идеей, хотя его уже нельзя назвать оторванным от реальности. В современной российской политической практике множатся признаки того, что извлеченная из нафталина концепция не лишена шансов воплотиться в новых условиях. Для авторитарных режимов, испытывающих трудности с легитимацией, страдающих от низкой экономической эффективности, и церковью, взыскующей их материальных и административных ресурсов, взаимная склонность к единению органична. Неслучайно отечественная литература — наиболее чуткий сейсмограф перемен политической погоды, загодя предупредила о подобном повороте целой серией пародийных антиутопий: начиная от «Москвы 2042» В. Войновича, кончая «Кысь» Т. Толстой и «Днем опричника» В. Сорокина. Но и сегодня, казалось бы, при благоприятствующей данному проекту расстановке внутренних сил и интересов, он не имеет будущего. Уже потому, что апеллирует к таким былым образцам «симфонии» авторитарной власти, борющейся с бегом времени, и РПЦ, которые в исторической практике уже доказали свою обреченность

страшными потрясениями XX века. Потому что пытаются противопоставить отечественной культуре (неоспоримо европейской) — фундаменту российской политической нации, принципиально антиевропейскую государственность. К тому же, «православный тоталитаризм» ставит под вопрос разумно осторожную государственную политику равногo благоприятствования всем традиционным религиям и несет слишком высокие риски этнорелигиозного раскола.

Историческое евразийство, говоря коротко — «православный большевизм», с нескрываемой симпатией к итальянскому фашизму (см. манифесты евразийцев), проект противоречивый и незадачливый с момента своего рождения. Многие его родоначальники довольно скоро разочаровались в изначальном замысле и отошли от движения. Печальная же участь тех, кто всерьез уверовал в эти идеи и, попытавшись им следовать, погубили свои души и репутации и окончили жизнь в подвалах Лубянки, — лучшая эпитафия подобному проекту.